

ПОДВОДНАЯ ОДИССЕЯ

ОЛОВЯННОГО ВЕКА

рассказ

МИЛЕНА ДЕ ВЕЙН

18+

Милена Де Вейн

**Подводная одиссея
оловянного века**

«Автор»

2026

Де Вейн М.

Подводная одиссея оловянного века / М. Де Вейн — «Автор»,
2026

Подводная одиссея оловянного века» — ироничная повесть в довлатовском стиле о судьбах доцифровой эпохи. Петербургская эмигрантка Наташа, выживающая в пригороде Парижа 2000-х, оказывается в гостях у престарелых французских буржуа Моран. Старый Жорж, сделавший состояние на дешёвой оловянной бижутерии, за бутылкой вина делится воспоминаниями о временах, когда «даже глупость приносила доход». Центром его рассказа становится безумный бретонец Робер, который в 1981 году из-за победы социалистов бежал в Парагвай, ткнув пальцем в газету, а позже прибыл в Испанию на списанной перуанской субмарине с контрабандной говядиной. Этот абсурдный авантюризм ушедшего века контрастирует с пластиковой реальностью Брюсселя и скучными сыновьями Моранов, умеющими считать только графики прибыли. Возвращаясь ночной электричкой в окружении уткнувшейся в экраны молодёжи, Наташа сжимает в руке тяжёлую оловянную брошь, бережно храня осколки старого мира, где в вещах и поступках ещё оставался вес.

© Де Вейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Милена Де Вейн

Подводная одиссея оловянного века

Глава

Эмиграция — это не смена географических координат. Это затянувшийся и довольно унижительный обыск на границе собственного здравого смысла. Когда ты упаковываешь всю свою прошлую жизнь в два чемодана, выясняется, что самое ценное туда как раз и не влезает. Например, привычка, чтобы тебя понимали с полуслова.

Наташа уехала в девяносто четвёртом. Великая империя к тому времени уже не просто распалась с грохотом, а начала тихо и отчётливо издавать специфический запах лёгких денег, разбавленных тяжёлым криминалом. Новый уклад жизни Наташа не приняла, поскольку для этого требовался либо врождённый цинизм, либо полное отсутствие воображения. Впрочем, и старый советский режим её не то чтобы баловал. В Ленинграде у неё оставались: диплом библиотечного института — вещь в эпоху первичного накопления капитала абсолютно бесполезная, две трети комнаты в коммунальной квартире на Мойке с видом на глухую стену и стойкая привычка по вечерам пить жидкий чай, вглядываясь в серую, экзистенциальную сырость за окном.

Во Франции довольно быстро выяснилось, что французский язык, который Наташа старательно учила по романам Бальзака и Стендаля, имеет пугающе мало общего с тем говором, на котором парижские таксисты и продавцы зелени кроют погоду, правительство и друг друга. Но Наташа выжила.

Эмигранты из бывшей империи вообще обладают удивительной, почти мистической живучестью, напоминающей биологические свойства постельных клопов. Их травят невыносимыми обстоятельствами, лишают документов, презируют в прессе, а они лишь слегка меняют окраску, приспосабливаются к местному климату и благополучно перебираются в соседнюю складку европейского бытия.

Через десять лет мытарств, смены съёмных углов и случайных заработков Наташа наконец осела в тихом, респектабельном пригороде Парижа. Ей повезло устроиться на полулегальную работу в небольшую частную галерею. Там она и познакомилась с местным бомондом — обломками той ушедшей эпохи, когда для достижения финансового благополучия ещё не требовалось быть компьютерным гением или сыном министра. В семидесятые и восьмидесятые годы во Франции вполне можно было преуспеть, обладая лишь парой мозолистых рабочих рук, приличной долей здоровой наглости и полным, абсолютным отсутствием художественного вкуса.

Особенно среди этой публики выделялись пожилые семейные пары, сколотившие свои первые солидные состояния на том, что сами французы снисходительно и даже как-то поэтично называют «бижутерией». В переводе на сухой язык здравого смысла это означало массовое изготовление копеечных, грубо сработанных побрякушек из олова. Олово — металл удивительно податливый, мягкий, не требующий от мастера никакого благородства.

Субботний день дышал ленивым, сытым европейским покоем. Наташа ехала в гости к чете Моран — Жоржу и Оливии. Своё старое оловянное производство они давно уже передали повзрослевшим сыновьям. Те, будучи людьми новой формации, тут же закрыли мастерскую под Парижем и перенесли все заводы в Тунис, сделав семейный бизнес ещё более доходным и окончательно бездушным.

Дом Моранов располагался в том благословенном местечке, где в воздухе отчётливо пахло лавандой, нагретой на солнце черепицей и очень старыми деньгами. Наташа вошла в

дом без стука — в здешней провинции это всё ещё считалось изящным признаком хорошего тона и близкой дружбы, а не верхом наглости.

На кухне, сияя начищенными медными боками тяжёлых кастрюль, привычно суежилась Оливия. Ей было уже глубоко под восемьдесят, но выглядела она так, словно её каждое утро аккуратно покрывали тонким слоем дорогого мебельного лака. Оливия резала лук-шалот с такой яростью и остервенением, будто лично мстила этому несчастному овощу за свою безвозвратно ушедшую молодость.

— А, Наташа! — не оборачиваясь и не прерывая своего занятия, крикнула она. — Жорж в саду. Точнее, у окна. Иди к нему, он сейчас трезв ровно настолько, чтобы казаться утончённым философом, но ещё не настолько, чтобы начать учить тебя жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.